

МАГИЯ,
— НОВОГО —
ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ

Читайте в серии:

1. Завеса Аркена
2. Дом белого ворона

Продолжение следует!

МАГИЯ
— НОВОГО —
ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Завеса Аркена

Москва
2024

Яблочный пирог и звёзды Аркена

— Пудинг улучшает всё, — донеслось откуда-то из глубины особняка.

Входная дверь приоткрылась, и показались тёмные кудри.

— Нет, не всё. Пиццу, например, нет! — воскликнул звонкий голос прямо за дверью.

В ответ в недрах усадьбы раздался многоголосый смех.

Голос показался ему таким же незнакомым, как и причёска. Может, дом не тот? Девчонка медленно обернулась, и на него с любопытством уставились зелёные глаза. Она была года на два моложе его и наверняка хороша собой. На плечи, обрамляя лицо, спадали длинные кудри. Это однозначно не его тётя.

— Э-э-э... — он оглядел веранду. Кресло-качалка, на котором лежит книга. Полное ведро яблок. В оловянной лейке растёт подсолнух. По деревянным колоннам, держащим навес над входом, вьётся дикий виноград. На дверной раме вырезаны какие-то узоры и символы. Дом тот самый.

— Тётя Лия? — в замешательстве спросил он. Девчонка вскинула бровь. — Э-э-э... я хотел спросить: разве здесь не тётя Лия живёт?

Девушка улыбнулась, и рот с чётко очерченной линией губ приоткрылся, обнажив белые зубы.

— А, так ты, должно быть, племянник магестры Аконит, — обрадовалась она.

— Э-э-э... да, я Ариан, — запинаясь, представился он. Ариан никогда не слышал, чтобы кто-нибудь называл его тётю магестрой.

— Тогда заходи, Ариан! Твоя тётя будет очень рада. — Девочка открыла дверь и одновременно протянула ему руку. На ногтях тёмный лак. Тыльные стороны кистей испещрены какими-то неразборчивыми надписями. — Я Джес. А ты как раз вовремя. Мы все ещё сидим за поздним завтраком.

— Все? — Ариан давно не был здесь, но, насколько он знал, тётя Лия живёт одна. Вообще-то она приходилась двоюродной тётей его маме, а ему, соответственно, бабушкой, но в семье было принято называть её именно так.

Может, всё-таки стоило сперва позвонить? Но что, если бы она сказала «нет»?

— Да, — Джес легонько подтолкнула его в дом, поясняя: — Барнеби, вероятно, заглянул

лишь для того, чтобы опять набить живот пирогом. Ой, осторожно, не споткнись о его ботинки!

Залатанные изолентой полуботинки с неродными шнурками валялись один на другом посреди просторной прихожей. Рядом у стены аккуратно выстроились один красный и один зелёный сапоги на шнуровке, элегантные стоптанные кожаные туфли и пара огромных, покрытых коркой грязи кожаных сапог.

Широким шагом переступив через ботинки, Ариан прошёл в коридор.

— Пудинг и сыр улучшают всё! Если для чего-то не годится пудинг, значит, подойдёт сыр. — Сопровождаемые громким чавканьем, эти слова доносились из кухни. — В любом случае, коли ты меня приглашаешь, не может быть никаких оправданий тому, что в доме нет ни того ни другого, — продолжал тот же голос явно жующего человека.

Ариан разулся и бросил в угол рюкзак.

— Это Барнеби, — Джес, смеясь, указала пальцем в направлении, откуда шёл голос.

Неразборчивые надписи у неё на руках исчезли, изумился Ариан. Наверное, померещилось. Зато ему бросилось в глаза множество ожерелий, которые она надела одно поверх другого. Кожаные шнурки с нанизанными камешками и кристаллами висели над бронзовыми амулетами, деревянными кулонами и маленьким кожаным мешочком. Большинство из них выглядели так, словно девочка их сделала сама. Он собрался было её об этом спросить, как услышал знакомый голос.

— Приглашаю — это сильно сказано, — насмешливо-спокойно произнесла тётя. — В последний

раз я приглашала тебя пять лет назад, и с тех пор ты неожиданно-негаданно сваливаешься как снег на голову, ставишь мне на веранду горшок с цветком или ведро яблок и без спросу опустошаешь мой холодильник.

— Если бы ты не пекла такой вкусный яблочный пирог, я бы объявлялся здесь намного реже. Теперь тебе недостаёт только пудинга — и тогда я твой гость каждый день, — энергично жуя, откликнулся Барнеби.

— Поняла. Следующий пирог я, пожалуй, лучше превращу в угли, а то, не ровён час, ты тут поселишься...

По коридору снова разнёсся смех. Когда же он в последний раз сидел дома с друзьями, с семьёй и смеялся? Ариан не мог припомнить. Должно быть, давненько это было.

— Скажу-ка я маэстре, что ты здесь, — прервав его размышления, Джес ушла по длинному коридору. Вот опять оно, это странное слово. Повесив шарф и куртку на свободный крючок, он огляделся в овальной прихожей. Круглые окна выходили на улицу, в серый октябрьский день.

Два часа потребовалось поезду, чтобы привезти его сюда. Благодаря вопящим младенцам и тугухим пенсионерам они ощущались как все четыре.

Сев наконец в Ротенбахе в дребезжащий автобус, он чуть ли не радовался. Но именно что «чуть ли», потому на самом деле никто не радовался тому, что едет в Аркен, скучнейшее место на свете. Причём «ехать» в данном случае означает после бесконечной поездки на поезде торчать в пустом автобусе номер восемь, ползущем по туманной

лесной дороге в темпе улитки. Но ведь Ариан сам виноват. Уже водитель мог бы послужить ему предостережением. На любой вопрос дремучий старикан отвечал одно и то же.

— А этот автобус точно идёт в Аркен?

— Бу-бу-бу.

— А сколько стоит билет?

— Бу-бу-бу.

— Я не знаю, достаточно ли у меня с собой денег.

— Бу-бу-бу, — на этот раз более раздражённо.

В конце концов он всё-таки сел, и светло-голубой автобус остановился только однажды — на Ясеновой аллее, прямо у дома тёти.

Может, сам Аркен и был до смерти скучной дырой, но про тётин дом этого точно не скажешь.

Обстановку она десятилетиями собирала по антикварным магазинам, блошиным рынкам и спектаклям о Средневековье. В этой мешанине ничто по-настоящему не сочеталось между собой, и всё было очень старым. Переделанная в скамейку винная бочка соседствовала с подсвечником из оленьих рогов. С потолка свисали сухие корневища, на которых болтались цветочные горшки. На стене висела деревянная оконная рама, её зеркальные стёкла отразили растрёпанного мальчишку с каштановыми волосами. Ариан быстро отвёл взгляд.

Подобно прихожей был обставлен и весь дом. Здесь не водилось ни телевизора, ни микроволновки, не говоря уж об Интернете. Похоже, последним техническим новшеством, которое тут прижилось, стало электричество.

Протиснувшись мимо широких цветочных горшков, превративших прихожую в джунгли, Ариан вышел в коридор. Воздух пах полузабытыми воспоминаниями и лучшими временами.

На ходу Ариан посматривал на картины, висящие между переполненными книжными полками. Древние полотна изображали женщин с твёрдыми чертами лица и тёмно-голубыми глазами. Последней в ряду он даже обнаружил фотографию. Единственную среди картин. Тётя задушевно обнималась с мамой, а он крепко ухватился за мамину ногу.

Фотография показалась ему почти такой же старой, как картины.

— Ариан! Мой любимый племянник! — Навстречу ему с распростёртыми объятиями выбежала маленькая женщина. Глаза блестели от удивления и радости. У морщинок на её лице появились братья и сёстры, а в волосах показалась первая седина, но тёплая улыбка оставалась такой же, как на снимке. Тётя обняла его, и Ариан заметил, что стал уже на голову выше её. Она отстранила его на вытянутую руку. — Какой сюрприз! Почему ты не сказал, что приедешь?

— Как? — улыбнулся он. — Ты не слышала предупреждающую барабанную дробь или сова сбилась с пути?

— А-а-а, ты, видимо, пытался дозвониться, да? Ты же знаешь, я всегда забываю класть трубку на место. Нужно было написать.

— Какой смысл? Ведь почтовая карета работает в Аркене точно так же безотказно, как и твой допотопный телефон. Тебе всё ещё нужно крутить ручку, чтобы он подключился?

Ущипнув его за руку, тётя подняла указательный палец в наигранном возмущении:

— Племянники, которые подшучивают над своими тётушками, не получают пирога!

— Смилуйся! Беру все свои слова обратно! — подняв руки, притворно испугался Ариан.

Она мягко подтолкнула его дальше по коридору и с озабоченным видом тихо спросила:

— А мама-то знает, что ты здесь?

Ариан, не останавливаясь, пожал плечами и вздохнул:

— Теперь наверняка уже знает.

Тётя кивнула, словно на такой ответ и рассчитывала.

Они дошли до пёстрой занавески из стекларуса, которая, как Ариан очень хорошо помнил, отгораживала коридор от кухни.

В большой овальной кухне стоял стол, тоже большой и овальный. Среди семи стульев, расставленных вокруг, не нашлось бы и двух одинаковых. Большинство стульев оказались заняты. Как только они вошли, к ним обернулся человек-гора. Из-под густых бровей на Ариана сверкнул удивлённый взгляд. Лицо почти полностью скрывалось под тёмно-рыжими волосами и огромной бородой.

— Камелия, только не говори, что это тот самый племянник, которого я тогда выуживал из твоего пруда, — пророкотал низкий голос, невольно заставивший Ариана вспомнить скандинавского бога грома и Санта-Клауса.

— Камелия? — удивлённо переспросил Ариан тётю. Для него она всегда была тётей Лией.

Тётя лишь улыбнулась в ответ:

— Ах, ну конечно, я должна была представить вас друг другу. — Она обвела взглядом остальных сидящих за столом. — Ты ещё помнишь моего соседа Бьорна? — тётя показала на великана с такими широченными плечами, что он вряд ли проходил в дверной проём.

Протянув над столом с разноцветной керамической посудой мощную лапицу, он сдал руку Ариана.

— Ха, малыш Ари, я ещё помню, как ты рыскал по саду твоей тётушки в поисках жаб и собирал их в маленькое розовое ведёрко, — прогрохотал великан, лукаво улыбаясь от уха до уха. — И не замечал, что они снова и снова оттуда выползают. Видать, ты до самого обеда собирал одних и тех же десять жаб...

Ариан почувствовал, как у него вспыхнуло лицо. Стыдные детские истории в качестве приветствия можно было и опустить.

Потерев ноющую после пожатия руку, он вполголоса ответил:

— Теперь у меня ведро побольше.

Бьорн, громко расхохотавшись, с такой силой хлопнул по плечу сидящего рядом человека, что у того выпала вилка из руки.

Ариану одного за другим представили остальных гостей.

Алоис Хладно-Каменецки: почти теряющийся рядом с великаном неказистый очкарик в старомодном твидовом костюме молча кивнул ему.

Барнеби: непрерывно забрасывающий в себя еду маленький человечек в поношенной одежде, взъеро-

шенная борода которого явственно демонстрировала, что сегодня он уже умял огромное количество яблочного пирога. Слишком занятый тем, чтобы записать в рот как можно больше, Барнеби удостоил Ариана лишь беглой, в лохматую бороду, улыбкой.

— А с Джесминой ты уже знаком, — сказала тётя Лия, усаживая его на один из стульев.

— Если ты ещё хочешь немного пирога, поторопись, — посоветовала Джес, кивнув в сторону Барнеби.

— Джесмина живёт у меня наверху, в комнате под крышей. Барнеби и Алоис — старые друзья, — пояснила тётя. — Дорогие мои, а это мой любимый внучатый племянник, который наконец-то снова навестил тётю, — подмигнув ему, она набросила на себя что-то среднее между пончо и скатертью и ушла вглубь кухни.

Пока она хозяйничала там среди деревянных кувшинов и керамических горшков, Барнеби повернулся к Ариану. Глаза этого человечка излучали ясный свет, хоть он и выглядел так, словно живёт под мостом. Всё на нём выглядело залатанным, одолженным у кого-то или самопальным. Волосы напоминали паклю для изоляции труб, а борода неаккуратно торчала во все стороны. Но, видя его хитрую улыбку, не полюбить его было трудно.

— Должен тебе сообщить, что яблочный пирог совершенно ужасный, но тебя ожидает ещё вкусная краюшка чёрствого хлеба, — пробубнил он, пытаясь утащить с тарелки последний кусок пирога.

Но Ариан оказался проворнее и, вооружившись вилкой и улыбаясь Барнеби, подцепил пирог сам.

— Ему это не понравится, — вздохнул Барнеби, влажными глазами глядя на вилку.

— Кому? — изумлённо спросил Ариан и откусил от ещё тёплого пирога.

— Ну, ему, — указав большим пальцем в пустоту у себя за спиной, сказал Барнеби так, словно говорит очевидные вещи.

Ариан растерянно взглянул на Джес, которая, давась смехом, только пожала плечами.

У бродяги, похоже, не все дома. Растерявшись, Ариан задумался, что же привело чокнутого бездомного за стол его тётушки. Лихорадочно жестикулируя, Джес привлекла его внимание и кивнула в сторону Барнеби, который как раз вознамерился умыкнуть пирог с его тарелки. Вскочив с тарелкой в руках, Ариан с вызовом вытянул в направлении Барнеби зажатую в руке вилку. Тот, рассмеявшись, встряс в свою тарелку крошки из бороды.

— Ты ежу нравишься, — сказал он, подмигнув Ариану.

Джес развела руками в недоумевающем жесте.

Ариан почувствовал, что у него разболелась голова. По счастью, в этот момент вошла тётя с большим чайником, от которого уже отслаивалась эмаль, но исходил чудесный аромат. Тётя налила ему чаю, рассказала о своей книжной лавке и о том, что Джесмина замечательно ей помогает, и о грандиозных изменениях, произошедших в Аркене.

— Наконец-то мне удалось убедить общество по традициям и культуре опять покрасить газовые фонари в тёмно-зелёный цвет. Этот ярко-красный сюда просто не вписывался. Но прогресс добрался

и до Аркена. Теперь у нас есть телефонная будка! Ты можешь такое представить? А помнишь пекарню Фринка? Городской совет признал правоту её владельцев, и теперь они единственные, кто может предлагать на продажу печенье в форме **звезды Аркена**, потому что сумели доказать, что рецепт изначально...

Ариан уже не слушал её. Он смотрел, как эти люди все вместе сидят за столом, беседуют друг с другом и явно счастливы. Здесь, в доме у тёти, он чувствовал себя защищённым. Он попытался вспомнить, когда испытывал это чувство в последний раз. Точно до того, как объявился Экарт и стал изображать из себя его отчима. С тех пор ему всё время приходилось оправдываться.

— Где ты был после школы?

— Почему ты не стараешься?

— И что только из тебя выйдет, если оценки будут ещё хуже!

Может, Аркен и правда самое скучное место на свете, но по крайней мере здесь нет Экарта.

Ариан потёр пульсирующие виски: должно быть, он пил слишком мало жидкости. Барнеби теперь вместо пирога набивал свою бороду печеньем. Джес, не особо скрывая зевоту, смотрела на его тётю, которая всё ещё сообщала захватывающие новости. Бьорн беседовал с тощим человеком в старомодном костюме, и тот лишь время от времени кивал головой. Как там его зовут? Эта головная боль... нужно попросить у тёти таблетку. Но ничего такого у неё конечно же нет. Наверное, она вольёт в него какой-нибудь настой из крапивы, древесного гриба и горных камней.

